

Глава 8

Десница самодержца

В начальный период войны – как, впрочем, и на протяжении всего царствования – Петр постоянно пребывал в движении. Девять лет пролегло между Нарвской и Полтавской баталиями, и за это время царь ни разу не провел больше трех месяцев на одном месте – то он в Москве, то в Петербурге, то в Воронеже, а то едет в Польшу, Литву или Ливонию. Петр непрерывно разъезжал и повсюду проверял, организовывал, подталкивал, устраивал разnosы и отдавал приказы. Даже в своем любимом Петербурге он беспрестанно мотался по всему городу. Если он оставался под одной крышей больше недели, то начинал ощущать беспокойство. Он приказывал подать карету – надо посмотреть, как идет строительство корабля, как продвигается рытье канала, что сделано в новых гаванях Петербурга и Кронштадта. Доселе в России не бывало, чтобы царь, к изумлению своих подданных, колесил по безграничным просторам империи. Освященный веками образ не покидающего белокаменного Кремля недоступного монарха, увенчанного шапкой Мономаха и восседающего на троне, не имел ничего общего с этим черноглазым, безбородым гигантом в зеленом немецком сюртуке, черной треуголке и высоких, заляпанных грязью сапогах, который мог выйти из кареты прямо в дорожную грязь какого-нибудь заштатного городишки и потребовать пива, чтобы утолить жажду, постель на ночь и свежих лошадей поутру.

В те времена путешествие через всю страну было нелегким испытанием духа и сущим наказанием для тела. Российская дорога более всего напоминала протянувшуюся через леса и луга разъезженную тележную колею. Средствами переправы через реки служили ветхие мосты, примитивные паромы или мелководные броды. Народ по пути попадался все больше оборванный, настороженный, а то и враждебный. Зимой близ дорог рыскали волки. Из-за непролазной грязи, рытвин и колдобин повозки двигались медленно и часто ломались: порой на некоторых участках за день удавалось одолеть не более пяти верст. Постоялые двory встречались редко, и путникам приходилось искать ночлега в домах местных жителей. Даже если человек ехал по казенной надобности и ему обязаны были предоставлять лошадей, раздобыть их стоило немалых усилий, и то не больше чем на десяток верст, после чего их распрягали и отсылали владельцу, а путник с кучером пускались на поиски свежих лошадей. При таком положении дел неизбежны были долгие, непредвиденные задержки в пути. С основанием Петербурга Петр приказал проложить между новой столицей и первопрестольной Москвой дорогу длиной в семьсот миль. Чтобы добраться из одного города в другой, требовалось четыре-пять недель. Впоследствии Петр задумал спрямить дорогу (ныне по этой линии проходит железнодорожная колея), что сократило бы путь сразу на сто миль. Было построено восемьдесят миль новой дороги, но дело пришлось бросить – новгородские леса и болота оказались непреодолимой преградой.

По правде говоря, для начала XVIII века состояние российских дорог не было чем-то необычным. В 1703 году из Лондона в находившийся от него в двадцати пяти милях Виндзор добирались четырнадцать часов. Даниель Дефо в 1724 году так отзывался о британских дорогах: «язык не поворачивается назвать их дорогами», одна – «гнусная узкая тропа, изрытая колеями», другая – «отвратительно разбита рытвинами, – того и гляди, растрясет все кости». Хотя в Западной Европе уже использовали дилижансы и большие города славились уютными гостиницами, такими как «Золотой бык» в Вене, сухопутное путешествие оставалось нелегким делом. Так, чтобы зимой добраться через Альпы из Вены в Венецию, путешественникам приходилось вылезать из дилижанса и часть пути идти пешком по снегу.

Основное отличие России от Западной Европы заключалось не в разбитых, ухабистых дорогах, а скорее в безбрежных необжитых пространствах. В начале апреля 1718 года ганноверский посланник в России Вебер пустился в путь из Москвы в Санкт-Петербург. «Нам пришлось преодолеть более двадцати рек, на которых не было ни мостов, ни паромов, – писал он. – Мы были вынуждены сами, как умели, налаживать переправы. Местные жители не привыкли видеть путешественников. При нашем появлении они

прятались по лесам вместе с детьми и скотом. За всю свою жизнь мне не случилось совершать столь многотрудного путешествия. Иным из моих попутчиков довелось объехать чуть ли не весь свет, но и они возроптали, говоря, что прежде никогда так не утомлялись».

Трудность сухопутных сообщений побуждала искать другие способы передвижения – водным или санным путем. Издавна важнейшими торговыми путями служили великие русские реки. Ладьи и баржи перевозили зерно, древесину и лен по широким руслам Волги, Днепра, Дона и Двины, а впоследствии и Невы. В Европу, как правило, добирались морским путем. Пока не было отвоевано балтийское побережье, русские посольства отплывали в Западную Европу из Архангельска, предпочитая штормы и айсберги невзгодам сухопутного путешествия.

Но самым популярным способом передвижения в России петровского времени оставался зимний санный путь. Мороз намертво сковывал осеннюю грязь, а потом дороги покрывались снегом и по ровному снежному насту лошадь могла тянуть сани вдвое быстрее, чем телегу летом. Реки и озера, покрытые прочным надежным льдом, становились самыми доступными путями, связывавшими города и селения. «Путешествие на санях, безусловно, самый удобный и быстрый способ передвижения и для людей, и для грузов, – писал Джон Перри. – Сани легки и устроены так удобно, что плавно скользят по снегу и льду, не утруждая лошадей». Перевозка грузов санями обходилась вчетверо дешевле, чем подводами. Поэтому российские купцы всю осень накапливали товары в ожидании зимы, чтобы доставить их на рынок санным путем. С первым снежным покровом нагружались сани и каждый день тысячами прибывали в Москву – в клубах пара множество ездовых и коней вливались в городскую сутолоку.

Главные дороги страны обозначались высокими красными столбами, а по обеим сторонам дороги в ряд высаживались деревья. «Эти столбы и деревья очень нужны, – заметил один датский путешественник, – потому что зимой без них было бы трудно отыскать дорогу, заметенную снегом». По распоряжению Петра через каждые двенадцать – пятнадцать миль ставили постоялый двор, где путнику предоставлялся кров.

Знатные и именитые люди путешествовали в крытых санях, которые фактически представляли собой небольшие ярко окрашенные или вызолоченные экипажи, поставленные на полозья вместо колес и запряженные парой, четверкой, а то и шестеркой лошадей. Если дорога была долгой, путешественник укрывался в санном экипаже, как в коконе, и не высовывался оттуда до конца пути. Вот как описывает это Вебер: «Путешественнику было бы не под силу вынести жуткие русские морозы, когда бы не продуманное устройство саней. Сверху они так плотно закупорены, что наружный воздух внутрь не проникает. По бокам имеются маленькие окошки и полочки для хранения провизии и книг, взятых, дабы скоротать время в пути. Над головою подвешен светильник с восковыми свечами, которые зажигают с наступлением темноты. На полу лежит полость, в которую путешественник кутается и днем и ночью. В ногах он держит нагретые камни или оловянный сосуд с горячей водой, чтобы в санях сохранялось тепло. Рядом держат ларец с вином и водкою, которые берут в дорогу для обогрева. Несмотря на все предосторожности, и самые крепкие напитки нередко замерзают и портятся. В этой передвижной хормине человек день и ночь едет, не вылезая без крайней нужды».

В таких санях, постоянно меняя лошадей, Петр порой покрывал за день до ста верст.

То в коляске, то верхом, то на лодке или барже, Петр разъезжал по России. «Он проехал в двадцать раз больше, – писал Перри, – чем любой другой государь до него в целом свете». Петр, хоть и был непоседлив, никогда не пускался в путь из одной любви к путешествиям – для него это был способ управлять страной. Он всегда хотел своими глазами видеть, что и где происходит и как выполняются его приказы. Он налетал, учинял разнос, отдавал распоряжения и спешил дальше. Час за часом, день за днем, неделя за неделей – он трясся в походной кибитке, подпрыгивая на скверных рессорах по разбитым дорогам: тело, как маятник, раскачивалось из стороны в сторону, голова ударялась о кожаную спинку, стоило ему прикорнуть, плечи и локти терлись о спутников, колеса скрипели, кучер

покрикивал – и так проходила его жизнь. Не удивительно, что он предпочитал добираться до места по воде. То-то радость была спокойно стоять на палубе яхты или баржи и провожать взглядом проплывающие мимо селения, поля и леса.

* * *

Постоянные разъезды Петра делали нелегкой жизнь правительственных чиновников. Царь редко бывал в столице. Многие законы и указы писались им собственноручно на плохонькой бумаге прямо в кибитке, или на постоялом дворе, или в доме, где ему довелось остановиться на ночь. Поглощенный то войной, то строительством флота, он никак не мог всерьез заняться внутренними делами государства. Тем не менее в Москве, которая до Полтавской победы формально оставалась местом пребывания правительственных учреждений, постепенно был произведен ряд изменений в громоздкой бюрократической системе управления. Старые московские чины бояр, окольничих и думных дворян утрачивали свою значимость. Самые близкие к Петру люди, например Меншиков, вовсе не возводились в боярское звание. Меншиков стал князем Священной Римской империи и получил такой же российский титул. Другим соратникам Петра были пожалованы западноевропейские титулы графов и баронов: теперь бояре Шереметев и Головин предпочитали именоваться «граф Шереметев» и «граф Головин». Правительственные служащие получили чины по иноземному образцу – такие как канцлер, вице-канцлер, тайный советник.

Вместе с новыми титулами приходили и новые люди. Когда в 1706 году в возрасте пятидесяти пяти лет скончался Федор Головин, который был преемником Лефортова в должности генерал-адмирала и, кроме того, служил канцлером (министром иностранных дел), царь разделил его чины и обязанности между тремя сановниками: Федором Апраксиным, который стал генерал-адмиралом, Гавриилом Головкиным, который принял иностранные дела и получил чин канцлера после Полтавы, и Петром Шафировым, который сделался вице-канцлером. Апраксин имел большие связи: он происходил из старинного боярского рода и доводился к тому же братом царице Марфе, вдове царя Федора. Голубоглазый, грубовато-добродушный и чрезвычайно самолюбивый Апраксин не сносил оскорблений ни от кого, даже от самого царя. Ему привелось послужить Петру и генералом, и губернатором, и сенатором, но больше всего он любил военно-морское дело, что было в диковинку для петровской России. Апраксин стал первым русским адмиралом и командовал российским флотом, когда тот одержал первую большую морскую победу при Гангуте.

Головкин – человек более осмотрительный и расчетливый, тоже всю жизнь преданно служил Петру. Сын высокопоставленного приближенного царя Алексея, он с детства состоял при дворе и в семнадцать лет стал постельничим пятилетнего Петра. В битве под Нарвой он выказал большую храбрость и был удостоен Андреевского ордена. Переписка с русскими дипломатами за границей велась по большей части от его имени (хотя Петр нередко сам прочитывал и правил отсылаемые депеши). Если верить портрету, у Головкина было довольно красивое, умное лицо, глядя на которое не сразу догадаешься о свойственной ему язвительности.

Самым же примечательным из трех главных помощников государя был Петр Шафиров, возвысившийся из безвестности и ставший в 1710 году первым русским бароном. Шафиров родился в еврейской семье, некогда жившей под Смоленском у польской границы. Отец его крестился в православие и был принят толмачом в Посольский приказ³⁴. Петр Шафиров пошел по стопам отца и служил толмачом при Федоре Головине, которого сопровождал в Великом посольстве. Он владел несколькими европейскими языками, включая латинский, и умело составлял дипломатические бумаги, что помогло ему быстро продвинуться: в 1704

³⁴ Иван Грозный запретил евреям селиться в пределах России. Однако те, кто принимал крещение, могли беспрепятственно продвигаться по социальной и служебной лестнице.

году он получил чин тайного секретаря, в 1706 году стал ведать Посольским приказом «под рукою» Головкина, в 1709 году был сделан вице-канцлером, а в 1719 году получил титул барона и орден Святого Андрея Первозванного. Шафиров был мужчина дородный, с двойным подбородком, самодовольной улыбкой и умными, настороженными глазами. Со временем между ним и Головкиным возникла непримиримая вражда, однако Петру нужны были они оба, и им волей-неволей приходилось работать вместе. Иностранные дипломаты уважали Шафирова: «Верно, что нрав у него горячий, – говорил один из них, – но зато на его слово всегда можно положиться».

Менялись названия правительственных учреждений. Возникли новые приказы; Военный морской, Адмиралтейский, Артиллерии и Рудокопных дел. Начальники этих приказов теперь именовались министрами, на них возлагалось ведение повседневных государственных дел. Большинство прошений, прежде подававшихся на царское имя, теперь надлежало направлять в соответствующий приказ или лично министру. Вскоре Петр узнал, что в его отсутствие многие члены Боярской думы (переименованной в «консилию», то есть «совет») постоянно пропускали заседания. Когда же впоследствии царь выговаривал боярам за негодные решения, многие оправдывались тем, что, когда эти решения принимались, они были в отлучке. Тогда царь потребовал от всех обязательного присутствия на заседаниях и указал, что всякое принятое решение должно быть подписано всеми присутствовавшими. Решения Думы и протоколы всех ее заседаний курьеры доставляли Петру, где бы тот ни находился³⁵.

Чтобы управляться с этими бумагами, Петр завел походную канцелярию и безотлучно держал при себе кабинет-секретаря Андрея Макарова. Этот скромный и даровитый человек, родом с севера, прежде был мелким провинциальным чиновником, но благодаря своим способностям сумел занять ключевое положение в петровском государственном аппарате. По своей должности он не мог давать советов царю, но именно от него зависело, когда и как – раньше, позже и в благоприятный ли момент – будет доложено царю то или иное дело. В этой работе, которая требовала особой деликатности, но и предоставляла большие возможности, Макарову помогал молодой немец Андрей Остерман. Сын лютеранского пастора, Остерман переводил иностранную переписку царя, но со временем стал играть несравненно большую роль.

В те годы Петра более всего заботили дела военные и финансовые. Царские указы, так же как и его поездки по стране, почти всегда имели своей целью либо набор рекрутов, либо выколачивание средств. Петр испытывал постоянные финансовые затруднения. Выискивать новые источники денежных поступлений Петру помогали так называемые прибыльщики. По царскому указу им было велено «сидеть и чинить государю прибыли». Среди них выделялся знаменитый Алексей Курбатов, бывший холоп Бориса Шереметева, который привлек внимание Петра тем, что предложил для всех официальных документов использовать «орленую», то есть гербовую, бумагу. Стараниями Курбатова и иных изобретательных и за то ненавистных прибыльщиков новыми налогами были обложены самые разнообразные виды деятельности и этапы жизненного пути россиян. Взимали сборы с рождений, браков, похорон, завещаний. Ввели налог на пшеницу и на свечи. Облагались поборами и кони, и конские шкуры, и конские хомуты и дуги. Появились шапочный и сапожный сборы. Была упорядочена и увеличена плата за ношение бороды, к ней добавился сбор за ношение усов. Каждый десятый поросенок в помете предназначался в казну. Были обложены налогами дома в Москве и ульи по всей России. Существовал кроватный сбор, банный, мельничный – с постоянных дворов, трубный – с печей, а заодно и с дров, которые в них горели. Облагались налогами орехи, арбузы, огурцы и даже питьевая вода.

Другим источником денег было все увеличивавшееся число казенных монополий, посредством которых государство осуществляло контроль над производством и продажей

³⁵ Речь идет уже не о Боярской думе, распущенной в 1704 г., а о боярской комиссии, заседавшей в помещении Ближней канцелярии в Кремле до образования Сената в 1711 г. – *Примеч. ред.*

товаров и устанавливало на них цену по своему усмотрению. В перечень этих товаров входили: алкоголь, смола, деготь, рыба, масло, мел, поташ, ревень, игральные кости, шахматы, карты и сибирские меха – лисица, горноста́й, соболь. Монополия на лен, ранее дарованная английским купцам, была отобрана царской казной; табачная монополия, предоставленная Петром лорду Кармартену в 1698 году, была упразднена. Дубовые гробы – последняя роскошь зажиточных москвитов – были отобраны у продавцов в казну и стали продаваться вчетверо дороже. Среди прочих монополий самой доходной для государства, но самой обременительной для населения оказалась монополия на соль. Указ 1705 года предписывал продавать соль только из казны, вдвое дороже подрядной цены. Крестьяне, которым не по силам было платить такие деньги, часто болели и умирали.

Чтобы усилить административный контроль и эффективность деятельности сборщиков налогов по всей необъятной империи, Петр в 1708 году поделил Россию на восемь огромных губерний, поручив управление каждой из них одному из своих ближайших сподвижников. Боярин Тихон Стрешнев стал губернатором Москвы, Меншиков – Санкт-Петербурга, князь Дмитрий Голицын – Киева, князь Петр Голицын – Архангельска, боярин Петр Апраксин – Казани, адмирал Федор Апраксин – Азова, боярин Петр Салтыков – Смоленска, князь Матвей Гагарин – Сибири. Губернатор нес личную ответственность за состояние военных и гражданских дел во вверенном ему округе, и особенно – за поступление доходов в казну. Однако некоторые губернаторы только числились таковыми, сами же постоянно пребывали в столице, вдалеке от своих губерний, или имели ряд трудно совместимых обязанностей (Меншиков, например, обычно находился при армии) и управляли своими губерниями лишь номинально.

Тем не менее усилия по изысканию средств продолжались. Губернаторы управляли, прибыльщики усердствовали в изобретении новых налогов, сборщики податей их выколачивали, народ работал, но с Русской земли нельзя было получить больше денег, чем она могла дать. Дополнительный доход, таким образом, следовало искать в развитии промышленности и торговли. Наблюдая за успешной деятельностью английских и голландских торговых компаний в России, Петр указом предписал московским купцам торговать, как торгуют в иных государствах, компаниями. Голландцы перепугались было, почуяв в указе опасность для своего господства на московском рынке, но вскоре поняли, что тревожиться не о чем. «Что касается торговых компаний, – доносил на родину голландский посланник, – то эта затея провалилась сама собою. Русские понятия не имеют, как начать и поднять такое сложное и трудное дело».

Несмотря на все усилия, введенные Петром налоги и монополии все же не приносили достаточного дохода. Первый бюджет казначейства, опубликованный в 1710 году, указал доход в размере 3 026 128 рублей, а расход 3 834 418 и был сведен с дефицитом свыше 808 000 рублей. На нужды армии ушло 2 161 176 рублей, на флот 444 288, артиллерия и амуниция потребовали 221 799 рублей, на рекрутов было истрачено 30 000, 84 104 рубля на вооружение, 148 031 рубль на посольство, а на нужды двора, медицинского ведомства, содержание пленных и прочие расходы – еще 745 020 рублей.

Потребность в деньгах была колоссальной, но такова же была и потребность в людях. За девять лет от Нарвы до Полтавы Петр призвал в армию свыше 300 000 человек. Некоторые были убиты или ранены, иные скончались от болезней, но больше всего потерь приходилось на дезертирство. Кроме того, все больше и больше крестьян отрывалось от земли и направлялось на строительные работы – для воплощения честолюбивых замыслов Петра. 30 000 работников требовалось каждый год для возведения укреплений в Азове и для строительства военно-морской базы в Таганроге. На воронежских верфях, на прокладке канала между Волгой и Доном людей было занято еще больше. Но все перекрывало строительство Петербурга, хотя в его будущем не было уверенности до самой Полтавской победы. Летом 1707 года Петр приказал Стрешневу только из Москвы и Подмоскovie нарядить в Петербург 30 000 человек.

И люди, и деньги требовались в числе небывалом, и это вызывало ропот во всех слоях населения. Недовольных и жалобщиков на Руси хватало всегда, но прежде, когда дела шли худо, винили не царя, а бояр. При Петре положение изменилось. Люди стали понимать, что царь сам управляет страной, – именно этот верзила, наряженный в заморское платье, измышляет указы, из-за которых жить становится невмоготу. «Как Бог его нам на царство послал, – сокрушался крестьянин, – так мы и светлых дней не видали. Тягота на мир³⁶, рубли да полтины да подводы; отдыху нашей братии крестьянину нет». Сын боярский с ним соглашался: «Какой он царь? Нашу братью всех выволок в службу, а людей наших и крестьян в рекруты побрал. Никуда от него не уйдешь, все распропали на плотях [на морских постройках], а сам он ходит в службу, и как это его не убьют? Как бы убили, так бы и служба минулась, и черни бы легче стало».

Но таким пересудам не давали ходу. Розыскной приказ в Преображенском повсюду имел своих доносителей, которые высматривали и вызнавали, не ведутся ли где «бунтовские или неподобающие речи». Прежде поддержание общественного порядка возлагалось на стрельцов; по упразднении стрелецкого войска функции уличных надзирателей одно время выполняли солдаты Преображенского полка, а когда гвардия отправилась на войну, их сменила новая полицейская служба. По указу 1702 года ей предписывалось чинить розыск по всем преступлениям, а в первую очередь по тем, что касались «слова и дела», то есть государственной измены. Неудивительно, что начальником этого Розыскного приказа стал сподвижник Петра, князь-кесарь Федор Ромодановский. Человек крутого, жестокого нрава, безгранично преданный Петру, он был безжалостен при малейшем намеке на измену или бунт. Федор Ромодановский и его подручные отменно знали свое черное дело: сеть соглядатаев раскинулась повсюду, за доносами следовали пытки и казни. В результате этих мер, несмотря на нестерпимый гнет задавленного поборами населения, царский трон стоял неколебимо.

Но не одной жестокостью отмечены свидетельства того времени. Петр всячески стремился преобразовать устаревшие нравы общества. Он повелел, чтобы женщины не сидели взаперти в теремах, а наряду с мужчинами присутствовали на обедах и ассамблеях. По старинному московскому обычаю, молодых женили по воле родителей, и они не только не имели права выбора, но зачастую впервые видели друг друга только в церкви, во время венчания. В апреле 1702 года царь запретил этот обычай и, к великой радости молодых людей, повелел, чтобы отныне все браки заключались лишь по доброму согласию, а жених и невеста чтобы были обручены не менее чем за шесть недель до венчания – в это время всякий был волен передумать. Прежде отец невесты вручал жениху плеть, символ повиновения жены мужу. Теперь молодые просто стали обмениваться поцелуем.

Петр запретил убивать новорожденных, которые появлялись на свет с уродствами (прежде таких детей сразу после рождения потихоньку душили), и велел сообщать обо всех случаях рождения «монстров», чтобы впоследствии можно было наблюдать за их дальнейшим развитием. Он запретил уличным торговцам продавать лекарственные травы и снадобья и указал, чтобы торговали ими только в аптеках. В 1706 году в Москве на берегу Яузы была открыта большая общественная больница. Заботясь о безопасности подданных, Петр запретил носить кинжалы и вообще остроконечные ножи, чтобы пьяные потасовки не превращались в кровавые побоища. Дуэли – иноземный обычай – тоже были запрещены. Чтобы избавить прохожих на улицах от множества попрошайек, царь потребовал, чтобы все нищие были определены в богадельни. Помимо этого, он издал указ, в соответствии с которым каждый, кто подавал нищему на улице, подвергался штрафу.

Для привлечения иностранцев на службу в Россию Петр объявил утратившими силу все указы прежних государей, которыми иностранным подданным запрещался свободный въезд и выезд из страны. Всем иностранцам, поступившим на русскую службу, обещалось царское покровительство, и затрагивавшие их интересы споры должны были разрешаться не по

³⁶ Здесь «мир» – община, крестьянский мир. – *Примеч. ред.*

русскому обычаю, а специально утвержденной тайной коллегией военного совета в соответствии с принципами Римского гражданского права. Помимо того, всем иностранцам предоставлялась возможность свободного отправления веры. Царь объявил, что не намерен чинить насилие над совестью людей и рад позволить каждому христианину самому позаботиться о своем спасении.

В тревожные первые годы шведской войны Петр заботился о распространении просвещения. В Математической и навигацкой школе в Москве, где преподавал Генри (Андрей) Фарварсон и два других шотландца, в 1702 году училось 200 русских юношей – будущее новой России. Их судьба стала причиной раздора между судьей Военного приказа и Курбатовым, который отстаивал учеников от рекрутского набора, заявляя, что их обучение обернется пустой тратой денег, если, уже выучившись, они пойдут служить простыми солдатами. Школа древних и новых языков была основана лютеранским пастором Глюком, бывшим опекуном Екатерины, который прибыл в Москву со своим семейством в 1703 году; будущих русских дипломатов надлежало обучать латинскому и современным языкам, географии, политике, верховой езде и танцам. Царь распорядился переслать древнерусские летописи из монастырей Киева и Новгорода в Москву для сохранения. Он настаивал на том, чтобы иностранные книги, печатавшиеся в Амстердаме на русском языке братьями Тессинг, переводились бы без искажений, даже если в них содержится нечто неместное для России. Петр подчеркивал: цель не в том, чтобы польстить россиянам, а в том, чтобы просветить их, показав, какого о них мнения другие народы. В 1707 году в Россию прибыли типографские мастера с азбуками «новоизобретенных русских литер», и вскоре Петр одобрил новый русский типографский шрифт, которым и стали печатать книги недуховного содержания. Первым был напечатан учебник геометрии, а вторым письмовник, содержащий образцы писем на разные случаи, поздравления, приглашения и предложения руки и сердца. Было напечатано немало учебников, технических книг, а помимо того, Петр заказал 2000 календарей, историю Троянской войны, жизнеописание Александра Македонского и историю России. Царь не только распоряжался, какие книги следует издавать, но находил досуг их читать и править. «Книгу о фортификации, которую вы перевели, мы прочли, – писал он одному из переводчиков, – разговоры зело хорошо и внятно переведены, но как учить фортификации делать, то зело темно и непонятно переведено».

Петр указал выпускать в Москве газету, дабы его подданные знали, что делается в России и других землях. Велено было из всех приказов сообщать известия на печатный двор. В начале 1703 года вышла в свет первая российская газета под названием «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и в иных окрестных странах». В качестве еще одного средства просвещения своих подданных и приобщения их к цивилизации Петр учредил общедоступный театр, для которого на Красной площади поставили деревянную «комедиальную хоромину». Немец Кунш с женой и труппой из семи актеров был выписан в Москву, чтобы ставить пьесы и обучать русских «комидиантским наукам». Поставили несколько комедий и трагедий, включая пьесу Мольера «Лекарь поневоле».

Все эти годы Петр старался изменить исконные русские представления, как следует воздавать честь государю. В конце 1701 года было запрещено становиться на колени и падать ниц перед царем, а зимой снимать шапку перед царским дворцом. «Какое же различие между Бога и царя, – говорил Петр, – когда воздавать будут равное обоим почтение? Менее низости, более усердия к службе и верности ко мне и государству – сия то почесть свойственна царю».

* * *

Не в силах вынести бремя непомерных налогов и принудительных работ, многие ударялись в бег. Число беглых, возможно, достигало сотен тысяч. Кто скрывался в лесах, кто пробирался на север к старообрядцам, которые к тому времени уже обустроились на

новых местах. Большинство же стремилось в украинские и приволжские степи – казачьи земли, традиционное убежище беглых людей из России. Позади оставались покинутые деревни и растерянные помещики и воеводы, которые не знали, как объяснить, почему царские указы о присылке работных людей не выполнены. Чтобы пресечь уклонения от службы и податей, царь повелел возвращать беглецов, но казаки отвечали отговорками, проволочками и в конечном счете царского указа не исполняли.

На протяжении всей российской истории великие народные восстания разгорались на юге: бунт Стеньки Разина против царя Алексея Михайловича и Емельяна Пугачева против Екатерины Великой стали легендой. И в годы правления Петра, в самое трудное военное время, на юге страны вспыхнуло три восстания – Астраханское восстание, волнения башкир и выступление донских казаков под руководством Булавина.

Расположенная у впадения великой русской реки Волги в Каспийское море, Астрахань бурлила от недовольства и возмущения. Туда были сосланы уцелевшие от расправы стрельцы со своими семьями, и горькая память о казнях 1698 года жгла сердца стрелецких вдов, сыновей и братьев. Волжские купцы ворчали по поводу новых налогов, крестьяне жаловались на мостовые сборы, рыбаки протестовали против ограничений на лов, и решительно всем не по нраву были петровские чужеземные нововведения. Слухи подливали масла в огонь: царя в живых нет, иноземцы посадили его в бочку да кинули в море, а на московском троне ныне сидит самозванец, а то и сам Антихрист.

Летом 1705 года прошел слух, повергший в ужас весь город. Говорили, что царь запретит свадьбы на семь лет, с тем чтобы выдать всех русских девушек за «немцев», которых понавезут на кораблях. Чтобы уберечь своих невест, астраханцы стали выдавать их замуж без разбору, пока не наехали иноземцы, – и в один только день, 30 июля 1705 года, сыграли сто свадеб. Разгоряченные застольем, астраханцы бросились громить присутственные места и убили царского воеводу. Старую власть упразднили, и бунтовщики выбрали себе новых начальников. Новоизбранные старшины первым делом объявили, что «воеводы и начальные люди болванам и кумирским богам поклонялись и нас кланяться заставляли... А мы у начальных людей в домах выкинули кумирских богов». В действительности, «болваны» и «кумирские боги» были не чем иным, как деревянными болванками, на которых одевавшиеся на заморский манер петровские офицеры держали свои парики. Бунтовщики направили посланцев по другим волжским городам, а в первую очередь к донским казакам, призывая всех постоять за православную веру.

Известие о бунте переполошило Москву. Когда Петр узнал об этом, он находился в Курляндии, осаждая Митаву (Елгаву). Чтобы не дать пожару распространиться, он тут же отрядил в Астрахань Шереметева с несколькими полками кавалерии и драгун. В качестве дополнительной предосторожности он наказал Шереметеву укрыть государственную казну и временно задерживать все письма из Москвы, чтобы о бунте не проведал Карл. Астраханских старшин Петр призвал направить челобитчиков в Москву, чтобы их жалобы выслушал Головин. Те прибыли, и их нешуточные обвинения в адрес убитого воеводы произвели впечатление на Головина. «Довольно говорил я с ними, все кажутся верны и мужики добры, – доносил Головин Петру. – Изволь, государь, хотя себя понудить, а показать им милость... Только и в нас не без воров бывало». Петр согласился, и депутаты возвратились в Астрахань, получив по пятьдесят рублей на каждого за издержки и обещание, что, если город подаст покаянную челобитную, участники бунта будут прощены. Было обещано и послабление в податях. Полкам Шереметева приказали избегать кровопролития.

Но в те времена мягкость зачастую воспринималась как признак слабости, и возвращение депутатов с мирными предложениями Петра не потушило восстание, а скорее придало ему новый импульс. Астраханцы поздравляли себя: они бросили вызов царю и одержали победу. Когда Шереметев направил в Астрахань гонца с известием, что его войска готовы вступить в город, и сообщил, что амнистия не коснется зачинщиков бунта, пожар разгорелся с новой силой. Посланец фельдмаршала был встречен грубо и отослан назад с бранными словами в адрес Петра и угрозой по весне пойти на Москву и пожечь Немецкую

слободу. Однако восставшие переоценили свои силы, а помощи от казаков не поступило. С Дона написали, что им от великого государя никакого утешения нет, истинную веру они исповедуют по-прежнему, а немецкого платья никто из них не носит, так как портные, которые могли бы шить немецкое платье, в казачьих городках не живут. Словом, астраханцев не поддержали. Но они все же попытались напасть на солдат Шереметева, как только те появились вблизи города. Регулярные войска без труда отбили бунтовщиков и вступили в Астрахань. Конники Шереметева еще ехали по улицам города, на которых тысячи людей лежали ниц, вымаливая пощаду, а сам фельдмаршал уже допрашивал зачинщиков. «Я такого многолюдства сумасбродного люду отроду не видал, – писал он Головину, – и надуты страшною злобою и весьма имеют нас за отпавших от благочестия». Общую амнистию отменили – сотни участников бунта были отправлены в Москву или колесованы. Петр, вздохнув с облегчением, увеличил Шереметеву жалованье и наградил его новыми поместьями.

В том же 1705 году начались волнения среди башкир, мусульманского народа, обитавшего в степях между Волгой и Уралом. По большей части они были кочевниками и пасли стада крупного рогатого скота, овец, коз и порой верблюдов. Они скакали на небольших крепких лошадках с луками и колчанами со стрелами за спиной. В семнадцатом веке русские колонисты, продвигаясь на восток, строили города на их земле и распахивали их пастбища. К этим притеснениям теперь добавились непомерные аппетиты сборщиков податей. В начале 1708 года башкиры подняли восстание. Они сожгли ряд недавно основанных русских поселений по рекам Уфе и Каме и подошли к Казани, от которой их отделяло двадцать миль. Хотя с запада к русским границам приближался Карл XII, Петру пришлось выделить три полка, чтобы покончить с беспорядками. Западные башкиры попросили мира и, за исключением зачинщика мятежа, получили прощение. В отличие от них, восточные башкиры продолжали опустошительные набеги, которые особенно участились, когда Петр был вынужден отозвать регулярные войска навстречу шведам. Но царю удалось поднять против мятежников 10 000 калмыков, буддистов по вере, и в конечном итоге башкиры покорились.

Драгуны Шереметева успешно потушили астраханский пожар. Из-за отсутствия единства и сильного руководства башкиры потерпели поражение. Но самым опасным мятежом за время царствования Петра, произошедшим как раз тогда, когда вся его армия противостояла шведам, было восстание донских казаков под предводительством Кондратия Булавина.

Непосредственным поводом для казачьего выступления стали попытки Петра вернуть солдат и крестьян, бежавших на казачьи земли. Подобно американскому Западу, редконаселенные, а местами и вовсе пустынные степные окраины были магнитом для людей беспокойных, тех, кто не хотел мириться с гнетом и искал вольной жизни. В России многие из них числились в розыске. Среди них были и крестьяне, прикрепленные к земле еще Иваном Грозным и вслед за ним Алексеем Михайловичем, и рекруты, насильно забранные в армию на двадцать пять лет, и работные люди с Воронежских верфей и укреплений Азова и Таганрога. Казаки принимали их радушно, а требования о возвращении беглых игнорировали. Наконец, чтобы претворить в жизнь царские указы, в сентябре 1707 года на Дон с отрядом в 1200 человек прибыл князь Юрий Долгорукий.

Появление Долгорукого напугало казаков и их старшин. Один из атаманов – Лукьян Максимов – принял Долгорукого с почетом и обещал помощь в поисках беглецов. Иначе повел себя Кондратий Булавин, своевольный атаман Бахмутского городка. Ночью 9 сентября 1707 года его казаки напали на лагерь Долгорукого у реки Айдар и вырезали солдат, всех до единого. Подобно другим предводителям народных восстаний, Булавин не имел определенной политической программы. Он заявлял, что поднялся не против царя, но против «тех, кто неправду делает – князей да воевод, бояр, прибыльщиков да немцев». Он призывал казаков постоять за «дом Пресвятой Богородицы и за истинную веру христианскую» против чужеземцев и «начальных людей, которые вводят всех в еллинскую веру и от истинной веры

христианской отвратили своими знаменьями и чудесы прелестными». Поминая Стеньку Разина, он заявлял, что освободит всех ссыльных и каторжных в Азове и Таганроге, а следующей весной пойдет на Воронеж, а там – и на Москву.

Тем временем атаман Максимов, который понимал, что царь не оставит безнаказанным убийство Долгорукого, собрал верных казаков и разгромил мятежников. Максимов доносил Петру, что бунтовщики понесли наказание – иных отрезали носы, иных драли плетью, а наиболее виновных повесили за ноги или расстреляли. Петр успокоился и написал Меншикову 16 ноября 1707 года: «Сие дело милостию Божиею все окончилось». Но успокаиваться было рано. Булавин скрылся от Максимова, собрал новый отряд и по весне 1708 года опять пошел гулять по донским степям. Максимов, подкрепленный русскими регулярными частями, снова выступил против Булавина, но на сей раз многие из его казаков перебежали к мятежному атаману, и 9 апреля 1708 года Максимов был разбит.

Теперь Булавинское восстание представляло уже нешуточную угрозу. На север до самой Тулы пылали селенья, опасались уже за Воронеж и за все верховье Дона. Тревожась, что возмущение может распространиться дальше на север, Петр велел сыну, царевичу Алексею, установить дополнительные орудия на стенах московского Кремля. Но оборонительными приготовлениями царь не ограничился. 10-тысячное войско, в состав которого входили пехота и драгуны, было отдано под начало майора гвардии князя Василия Долгорукого, брата убитого Булавиным прошлой осенью Юрия Долгорукого. Долгорукому было приказано «отправлять свое дело с помощью Божией, не мешкав, дабы сей огонь зараз утушить... ибо сия сарынь, кроме жесточи, не может унята быть». Опасность того, что Булавин может осадить Азов и Таганрог, очень беспокоила Петра, и он сам собирался отправиться на Дон. На его удачу, подойдя под Минск, Карл XII остановил свою армию на отдых и тем самым подарил царю три месяца как раз тогда, когда от Булавина исходила самая большая опасность.

Меж тем Булавин все считал на своем пути. Он еще раз разбил Максимова, захватил его и казнил. Казаки Булавина приступили к Азову и даже заняли один из его пригородов, прежде чем были отбиты верным царю гарнизоном. Но затем окрыленный успехом Булавин неосмотрительно разделил своих людей на три отряда. 12 мая был рассеян один из них, а 1 июля и второй отступил под натиском регулярных частей Долгорукого. Почувяв, куда дует ветер, большая часть казаков, поддерживавших Булавина, направила царю челобитную, моля о прощении. После того как поредевший отряд Булавина был разгромлен, старшины решили арестовать своего предводителя и казнить его, дабы умиловить царя. Булавин, сопротивляясь, уложил на месте двоих казаков, посланных схватить его, но поняв, что все потеряно, застрелился.

Степной пожар мало-помалу угас. В ноябре уцелевшие силы бунтовщиков были загнаны в угол Долгоруким. В бою пало 3000 казаков, и с бунтом было покончено. Петр приказал Долгорукому «заводчиков пущих казнить, а иных в каторгу, а прочих выслать в старые места, а городки жечь по прежнему указу». Две сотни бунтовщиков были повешены на виселицах, установленных на плотях. Плоты были пущены вниз по течению Дона, и все, кто видел, как они молчаливо проплывали по реке мимо городков и станиц, понимали: десница самодержца достигает самых дальних пределов его царства.